

предѣлъ желаній, не разъ указавъ, что крестъ, который онъ несетъ на себѣ, это отказъ отъ такой свободной и осуществленной жизни. Въмѣсто того, чтобы жить, онъ занялся изложеніемъ основъ правильной жизни, замѣнивъ ее литературой.

Это стало возможно только позднѣе, только тогда, когда мучительный голодъ души и ея чувство пустоты и гибели были смягчены и почти уничтожены работой надъ найденными новыми утвержденіями.

Въ эту эпоху метанія и поисковъ настоящаго жизненнаго утвержденія, Толстой обладалъ аргументами неоспоримой достовѣрности, доставляемыми ему его душевнымъ состояніемъ. Онъ чувствовалъ полный расцвѣтъ жизни, подъемъ силъ и желаніе жить, утверждаясь на существованіи Бога, «какъ силы, во власти которой я нахожусь». Когда же сомнѣнія уничтожали эту увѣренность, «пропадало то, что нужно для жизни, я приходилъ въ ужасъ». «Я молился и чѣмъ больше, тѣмъ яснѣе чувствовалъ, что нѣтъ никого, къ кому можно было обратиться».

Утверждаясь въ Богѣ, оживалъ, и, отрицая его, впадалъ въ отчаяніе и смерть.

«Что же такое эти оживленія и умиранія? Вѣдь я не живу, когда теряю вѣру въ Бога, и живу, истинно живу только тогда, когда чувствую Его и ищу Его. Такъ что же